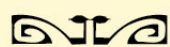

Николай Некрасов

Родина

Николай Некрасов
Родина (сборник)

«ЭКСМО»

1878

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Некрасов Н. А.

Родина (сборник) / Н. А. Некрасов — «Эксмо», 1878

ISBN 978-5-04-100504-7

Литературное наследие Н. Некрасова обширно и разнообразно по жанрам. В книгу включен и знаменитый панаевский цикл – изумительный памятник любовной лирики XIX века, и стихотворения, обращенные к детям, и безусловно, гражданская лирика поэта, интерес к творчеству которого неуклонно растет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-100504-7

© Некрасов Н. А., 1878
© Эксмо, 1878

Содержание

Слово Некрасова	8
Стихотворения	18
Современная ода	18
В дороге	19
Колыбельная песня	21
«Я за то глубоко презираю себя...»	23
Родина	24
Огородник	26
Тройка	28
Нравственный человек	30
«Если, мучимый страстью мятежной...»	32
«Еду ли ночью по улице темной...»	33
Вино	35
«Ты всегда хороша несравненно...»	37
«Вчерашний день, часу в шестом...»	38
«Поражена потерей невозвратной...»	39
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	40
«Я не люблю иронии твоей...»	42
На улице	43
1	43
2	43
3	44
4	44
«Мы с тобой бестолковые люди...»	45
«Блажен незлобивый поэт...»	46
Муза	48
За городом	50
«Ах, были счастливые годы!...»	51
«О письма женщины, нам милой!...»	52
Памяти приятеля	53
Филантроп	54
Отрывки из путевых записок графа Гаранского	58
Буря	61
В деревне	62
Несжатая полоса	65
Маша	67
«Праздник жизни – молодости годы...»	69
«Я сегодня так грустно настроен...»	70
Влас	71
В больнице	74
Свадьба	77
«Давно – отвергнутый тобою...»	79
Извозчик	80
«Безвестен я. Я вами не стяжал...»	83
«Тяжелый крест достался ей на долю...»	84
Секрет	85

На родине	88
Гадающей невесте	89
Забывтая деревня	90
«Замолкни, Муза мести и печали!...»	91
«Где твое личико смуглое...»	92
«Внимая ужасам войны...»	93
Прощанье	94
Влюбленному	95
Княгиня	96
«Как ты кротка, как ты послушна...»	98
Школьник	99
«Я посетил твое кладбище...»	101
Поэт и гражданин	102
Прости	110
«В столицах шум, гремят витии...»	111
«Стихи мои! Свидетели живые...»	112
Размышления у парадного подъезда	113
«Ночь. Успели мы всем насладиться...»	116
Песня Еремушке	117
Убогая и нарядная	120
«Что ты, сердце мое, расходилося?...»	124
«...одинокий, потерянный...»	125
На Волге	126
Плач детей	133
На смерть Шевченко	135
«Что ни год – уменьшаются силы...»	136
Свобода	137
Похороны	138
Крестьянские дети	140
Дума	147
20 ноября 1861	148
Зеленый Шум[17]	149
«Литература с трескучими фразами...»	151
«В полном разгаре страда деревенская...»	152
Рыцарь на час	153
«Надрывается сердце от муки...»	158
Калистрат	159
«Благодарение Господу Богу...»	160
Орина, мать солдатская	162
Железная дорога	166
Возвращение	171
Памяти Добролюбова	172
Балет	173
«Ликует враг, молчит в недоуменье...»	183
«Умру я скоро. Жалкое наследство...»	184
Еще тройка	186
Эй, Иван!	188
Выбор	191
Мать	193

«Не рыдай так безумно над ним...»	194
Дома – лучше!	195
«Наконец не горит уже лес...»	196
«Душно! без счастья и воли...»	197
Бунт	198
Стихотворения, посвященные русским детям	199
I	199
II	201
III	202
<IV>	205
<V>	209
<VI>	211
Утро	215
Страшный год	217
«Смолкли честные, доблестно павшие...»	218
Три элегии	219
Путешественник	222
Уныние	223
Отъезжающему	228
Пророк	229
Элегия	230
Как празднуют трусу	232
Поэту	233
Вступление к песням 1876–77 годов	234
З<и>не	235
«Скоро стану добычею тленья...»	236
«Угомонись, моя Муза задорная...»	237
Музе	238
З<и>не	239
Друзьям	240
Сеятелям	241
Молебен	242
Отрывок	243
«Дни идут... всё так же воздух душен...»	244
«Мы вышли вместе... Наобум...»	245
«Есть и Руси чем гордиться...»	247
«Вам, мой дар ценившим и любившим...»	248
Горящие письма	249
З<и>не	250
Поэту	251
Баюшки-баю	252
«Черный день! Как нищий просит хлеба...»	254
Старость	255
Ты не забыта	256
Осень	257
Сон	258
«Великое чувство! У каждой дверей...»	259
«О Муза! я у двери гроба!...»	260
Комментарии	261

Николай Алексеевич Некрасов

Стихотворения

© Федякин С.Р., предисловие, комментарии, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Слово Некрасова

Он был поэт подлинный, и потому — *другой*, не похожий ни на Пушкина, ни на Жуковского, ни на Лермонтова, — которым он так старательно подражал в первой книге стихов. В XX веке скажут:

«Таких песен замогильных, страшных, в русской поэзии еще не было. Это «неподражаемые, неистовые» звуки, ветровые, природные. В них особые гласные — глухие, протяжные, бесконечно длящиеся и особый ритм, раскатывающийся, гулкий, пустынный. Предельная обнаженность стихийного начала, некрасовской звериной тоски. Все сметено движением этого ритма — гражданственность, народность, «проблемы»; кругом — пустая степь без конца и без края и ветер»¹.

Константин Мочульский, критик редкой чуткости, заметит и другое: не страдания народа заставили Некрасова «завыть» свои заунывные песни, но собственная, нескончаемая душевная боль. Эту свою нестерпимую муку он выплеснул на то, что видел вокруг:

«Самое личное, самое неповторимое — ритм своего дыхания, свою *некрасовскую* тоску — поэт переносит на родину. На такой глубине интимное и общее — совпадают. Некрасов, стараясь передать свой напев, делается народным певцом. Его стон — стон всех. В своей душе он подслушал «родные» русские звуки. И, подлинно, он самый национальный русский поэт. Теперь он знает: то, что звучало в нем, что с таким мучительным напряжением рвалось наружу — было не его песней, а песней народной. Не он, а весь народ: «Создал песню, подобную стону»².

И все же — только чувствовал непомерное страдание и в стихах выразил его как всеобщее? Собственной, некрасовской тоской только лишь окрасил остальной мир? Или особо чутким слухом уловил то, что пронизало русскую жизнь, и общую беду всех почувствовал как собственную?

Неизбывная душевная тоска Некрасова, о которой вспоминают современники, о которой он не раз говорил в своих письмах, — разве она связана только с его личной судьбой? Мать вспоминал страдальцей, измученной деспотом-мужем. В самом начале творческого пути, живя в Петербурге впроголодь, не получая от отца ни копейки, он побывал «в шкуре» пролетария. Но только ли здесь исток его «сочувствия» ко всем «униженным и оскорбленным»? Вспомним его детское потрясение от стога бурлаков:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

(«На Волге»)

Или — знаменитые строки, где он всматривается в жизнь молодой крестьянки:

Что так жадно глядишь на дорогу

¹ Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

² Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

(«Тройка»)

Или — эти сумрачные, горестные картины, в которых страшна их обыденность:

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

(«Гробок»)

А ведь иногда это чувство беды возникает с первых строк, когда еще и не рассказана история:

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

(«Несжатая полоса»)

Еще нет умирающего пахаря, еще не сказано ни слова о человеческом горе, а уже в нескольких беглых образах, в щемящем звуке фраз слышится голос беды. И сколько будет еще этих простых героев — с несбыточными надеждами, с тоской и болью! И разве нет здесь той «всеотзывчивости», о которой скажет позже Достоевский в речи о Пушкине? Только всеотзывчивости особой — именно на людскую беду, на муку, на отчаяние. Не только частая подверженность мрачным настроениям, но и сострадание рождало подобные строки, даже те, которые могут показаться навеянными не то личным воспоминанием, не то сочувствием человеку совсем уже не из крестьянского мира:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорила — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

В молодые годы он пережил отчаянные минуты, когда его идеализм боролся с умом практическим. Порыв души звал к высоким целям, жизнь диктовала иное. Однажды он даже даст себе клятву «не умереть на чердаке»³. И позже — будет иной раз сердиться на тех идеалистов, с которыми будет встречаться в своей литературной жизни. Они жили в мечтаниях, не способные трезво оценить свои возможности, иной раз — обреченные на гибель.

Вставать на ноги он начал вовсе не как поэт, но как издатель. В 1843 году будут «Статейки в стихах без картинок», в 1844-м — альманах «Физиология Петербурга», в 1846-м — знаменитый «Петербургский сборник», где среди сотрудников не только уже достаточно известные — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, граф В. А. Соллогуб, но слышны уже в полную силу голоса писателей нового поколения — Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, самого Н. А. Некрасова. Здесь, среди других его стихотворений, появится и то («В дороге»), где отчетливо слышны интонации подлинного Некрасова.

И все же пока главный успех его ждет на издательском поприще. В конце 1846 года Н. А. Некрасов и его приятель И. И. Панаев заключили соглашение с П. А. Плетневым, издателем журнала «Современник», первые четыре номера которого вышли десятилетие назад под редакцией Пушкина. В январе 1847-го выходит первый номер журнала с новым составом сотрудников. С этого времени и на долгие годы — это одно из лучших русских периодических изданий. Номинальным редактором поначалу будет цензор А. В. Никитенко, потом — Панаев. Фактическим редактором будет Некрасов, он будет той «ломовой лошадей», которая тянула на себе бремя журнальной «закулисы» — войну с цензурой, поиск материалов, писание беллетристики для того, чтобы можно было заполнить очередной номер. Идеальным вдохновителем — до самой своей смерти в 1848 году — будет Белинский. Позже — с середины 1850-х Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Жизнь Некрасова надолго связалась с жизнью «Современника». Даже его большая любовь — А. Я. Панаева — из сотрудников журнала. Только тяжелая болезнь заставит его на год, с лета 1856-го до лета 1857-го, удалиться за границу, передав бразды правления в руки Чернышевского.

Издательские дела шли довольно успешно. Появилось сатирическое приложение «Свисток». Война с цензурой, попытка разрешить разногласия между сотрудниками, удержать редакцию от раскола — драматическая сторона этой жизни. Начало 1860-х — смерть Панаева и Добролюбова, арест Чернышевского и поэта М. Л. Михайлова — из ряда личных трагедий.

«Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?» Вопрос в анкете Чуковского⁴, заданный поэтам начала века, не был случайностью. Ведь и Достоевский в своей некрологической статье не мог отвести его в сторону. И все же его мнение — отличается и чуткостью, и глубинным пониманием. Да, вокруг «практической жизни» поэта больше сплетен, нежели действительных фактов: «У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не могло не быть врагов»⁵. И даже то, что действительно было в его жизни — крайне преувеличено. «Но приняв это, — продолжает Достоевский, — все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что — что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его,

³ Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 247.

⁴ Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 393.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. — Л.: Наука, 1984. С. 121.

эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь?»⁶

В глазах многих современников Некрасов — деловой и «практический» человек, не только умеющий «заработать» на журнальном деле, но и способный на поступки «неблаговидные». Не случайно некоторые из писателей «старой закалки» полагали, что в стихах Некрасов фальшив, что он только лишь примеривает на себя роль «сочувственника» и «сострадальца». И даже те, кто ощутил искренность поэта, часто испытывали неловкость. Т. Н. Грановский услышал однажды Некрасова, читающего свои стихи: «...я был поражен неприятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом»⁷.

Корней Чуковский, «излазивший» биографию Некрасова до самых «потаенных» уголков, готов был этой черте характера Некрасова дать иное толкование. Дело не только в том, что Некрасов, «хлебнув» в юности нищеты, *научился* зарабатывать журнальным делом, и не только в том, что эта пора жизни дала ему и особые привычки, и манеру поведения. Но, проделав в ранней молодости тот путь, которым скоро пойдут многие «шестидесятники», разночинцы, Некрасов и сам становится «наполовину» человеком иного сословия. В нем еще сидит барин, но живет уже и «деловой человек».

Это наблюдение объясняет известный эпизод в истории «Современника», этого любимейшего детища Некрасова, когда, не сумев смягчить противостояние между людьми своего поколения, Тургенева прежде всего, и «шестидесятниками», Добролюбовым и Чернышевским, Некрасов, в конце концов предпочел все-таки не давних знакомых, но молодых и «нахрапистых». В 1866-м эта же «двойственность» сыграет с ним жестокую шутку. После покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II журнал был, в сущности, обречен. И чего стоила Некрасову эта «ода» М. Н. Муравьеву-Вешателю, от которого всецело зависела судьба «Современника»! И журнал не спас, и вызвал не только жестокие насмешки врагов, но и мучительные укоры со стороны единомышленников.

Но «двойственность» Некрасова — это не только его «разносословность», но и одиночество: все-таки ни в круг «людей сороковых годов», ни в круг «шестидесятников» он не вписывался. Для первых — он слишком сметлив и расчетлив, всему «знает цену» в самом буквальном смысле этих слов, для вторых — слишком непоследователен. Сотрудник «Современника» М. Антонович вспоминал, что произошло в редакции после того выстрела Каракозова: «В один прекрасный день Некрасов объявил нам, что он больше не нуждается в наших услугах и содействии и должен расстаться с нами, что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь один, и без нас, а затем бросит его. При этом он обещал выдать каждому из нас в виде отступных сумму денег и скоро действительно исполнил обещание в некоторой части. — Таким образом, мы расстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно, без сожаления и с порядочным осадком горечи в наших чувствах вследствие последних инцидентов».

Одного не знал М. Антонович: пережитых Некрасовым угрызений. За посланием Муравьеву, которое сам Некрасов уничтожит, тут же последует знаменитое, с мукой выговоренное:

Ликует враг, молчит в недоумении
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущении,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1971. С. 20. Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. — М.: Худож. литература, 1971. С. 178.

О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвозждая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

Потому Некрасов и мог испытывать сострадание к «падшим», что сам был из их числа. Тяга к раскаянию делала его в иные минуты одним из самых христианских поэтов. И вот рождается притча о житии мироеда («Влас»), что «брал с родного, брал с убогого», а после — с нагрянувшей беды — с ним свершилось преображение:

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел...

Или возникает горестная история мужа, узнавшего про измену жены («Зеленый шум»). Он изводит себя, он не может найти покоя, не может быть рядом с ней:

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!

Но вот — дохнуло весенней свежестью, вот разомкнулось лютое пространство, и приходит воскрешение души, где строки стихотворения — почти проповедь:

Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!

И понятно это видение самого Некрасова, что явилось в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу

И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.

И сколь подлинны, столь и непреложны эти его стенания над могилой матери:

О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

На самом деле он чувствовал боль других или только разыгрывал отзывчивость? Многие, очень многие отказывались верить в его искренность. Позже Борис Эйхенбаум даже найдет особое объяснение некрасовскому слову: «Любители биографии недоумевают перед «противоречиями» между жизнью Некрасова и его стихами. Загладить это противоречие не удастся, но оно — не только законное, а и совершенно необходимое, именно потому, что «душа или «темперамент» — одно, а творчество — нечто совсем другое. Роль, выбранная Некрасовым, была подсказана ему историей и принята как исторический поступок. Он играл свою роль в пьесе, которую сочинила история, — в той же мере и в том же смысле «искренно», в каком можно говорить об «искренности» актера. Нужно было верно выбрать лирическую позу, создать новую театральную эмоцию и увлечь ею «не внемлющую пророчествам» толпу. Это и удалось Некрасову»⁸.

Вряд ли бы сам Некрасов мог без содрогания прочесть это о себе. И не точнее ли будет вслушаться в слова читателя, который не только мог «построить теорию», но и вслушаться?

«Совесть — странный дар. Кому такая мера ее дается? В Некрасове она жила с детства и все росла, хотя он о ней не думал. Тем была она страшнее: как слепая змея в сердце. Он не умел защищаться от своих страстей, они легко овладевали им; тем легче, что он искал каких-нибудь «передышек»: забыть терзания»⁹.

Не все сказаны эти слова Зинаидой Гиппиус. Отсюда пришла его поэзия. Из необъятных страстей и нескончаемого раскаяния. И каждое собственное падение становилось равносильно прозрению общей беды:

«Совесть, — все она же! — вырастая, переплеснулась через личное, пропитала его любовь к земле, к России, к матери и, в мучительные минуты «вдохновенья», сделала его творцом неподражаемых стонов о родине. Неужели это лишь песни «гражданской скорби», как тогда говорили? Вслушаемся в них: поэт не отделяет родину-мать от себя самого; он мучается за нее и за себя вместе, даже как бы ею и собою *вместе*»¹⁰.

⁸ Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 58.

⁹ Гиппиус З.Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931—1939). СПб., 2003. С. 535.

¹⁰ Гиппиус З.Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931—1939). СПб., 2003. С. 535.

Он знал, что такое беда — и та, когда не живешь, а выживаешь, и та, когда в душе смятение и самоказнь. Для него они связались воедино. В чем каяться идеалисту? Чувство это естественней зарождается именно у человека «практического».

* * *

Что сподвигло его вернуться в тревожную журнальную жизнь? Желание ввязаться в идейные распри? Стремление убежать от собственных болезней и черной тоски? Или та «деловая жилка», которая тоже не давала покоя? Как-никак, только «торгаш» Некрасов мог написать зазывные приговорки «Коробейников»:

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жизнью наученный, он легко входил во всякое дело и во всякую жизнь. Потому и о газетно-журнальном мире пишет как знающий, и охоту живописует ярко и точно, и злоключения жен декабристов воспроизводит до ощущения зримого присутствия рядом с ними. Потому и народную жизнь, народные заботы воссоздает с редкой точностью. Да и пишет, в сущности, на самом что ни на есть народном языке:

Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелиnüчие —
Молодись за пяточок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики заветные —
Хоть кого приворожат!

К «Коробейникам», этой знаменитой своей вещи, Некрасов дает примечания на одной странице, другой, третьей. «Любчики — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу»; или — на фразу «Кто вас спутал?» — «Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование» и т. д. Для современников, привыкших к карамзинскому или даже пушкинскому языку, это может показаться экзотикой. Для Некрасова язык этот — родной. Здесь он сходит с привычной для других литераторов дороги, начинает изъясняться языком своих «простых» героев. И не только в «Коробейниках».

У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —

Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!

До «Дядюшки Якова» Некрасова на такой язык мог дерзнуть Пушкин — в «Сказке о попе и работнике его Балде». После Некрасова, в начале XX века — обладавший безупречно тонким слухом Иннокентий Анненский, в стихотворении «Шарики детские»:

Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое небо —
Два часа потом глазей, да в оба!

Но у Пушкина — это смелое предчувствие, каким языком еще не изъяснялась, но может когда-нибудь заговорить русская литература. У Анненского — предвосхищение: какой языковой пласт может уже войти в плоть современной литературы (не случайно Ахматова расслышала в этом стихотворении предвестие Маяковского). И у первого, и у второго — это эпизод. Некрасов начинает *строить* на этом языке и этом мироощущении. В его поэзию входит не только народный «раек», но вообще простонародная речь. Не случайно Розанов — пусть не без преувеличения — воскликнул в «Уединенном»: «Стихи, как: «Дом — не тележка у дядюшки Якова», народнее, чем все, что написал Толстой»¹¹. Как всегда суждение Василия Васильевича не боится преувеличений. Но в подлинной народности некрасовской речи сомнений быть не может.

Некогда «провалившись» между сословий, выкарабкиваясь из своего мучительного одиночества и прислушиваясь к миру, Некрасов сумел так «наострить ухо», что ухватил самые основы народной, в то время — «нелитературной» речи. И она хлынула в его поэзию, не только словами и выражениями, к которым сам Некрасов готов был дать разъяснительное примечание, но и особой интонацией, — то разговорной, то напевной. Уже современники заметят, что «трехсложники» Некрасова, его «дактили» и «анapestы», в противовес прежде царствовавшему ямбу, более «народны» уже потому, что в русском языке, в простой речи, ударение на третий слог падает чаще, нежели на второй. Замечание сомнительное, стихотворная речь

¹¹ Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 45.

— это все же не обычная речь. В ней действуют особые законы. Пожалуй, много точнее был один из первых чутких читателей Некрасова, адвокат, поэт и критик Сергей Андреевский. Он услышал здесь «ритм, напоминающий вращательное движение шарманки», который «позволял держаться на границах поэзии и прозы, балагурить с толпой, говорить складно и вульгарно, вставлять веселую и злую шутку, высказывать горькие истины и незаметно, замедля такт более торжественными словами, переходить в витийство»¹².

Важно не просто «количество ударных слогов», но то, что с этими «трехсложниками», особенно в конце строк (вроде «Что тебя доконало, сердешного?» из «Похорон»), входит в его поэзию унылый напев, которому, как и России, как и бедам народным, нет ни конца ни края.

Некрасов наполнил поэзию длинными, «тягучими» словами. К. Чуковский заметил, что и некоторые слоги у него иногда как бы растягиваются на два:¹³

Надрывается сердце от му-ки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие зву-ки
Барабанов, цепей, топора.

Сам поэт еще в середине 1850-х чувствовал: русской поэзии нужен сдвиг, она должна «освежить кровь». В статье «Второстепенные русские поэты» (1850), той самой, где Тютчев будет поставлен им в ряд поэтов лучших, он скажет и об этом: «Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворческую форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий»¹⁴. Сам он — впусив «непричесанную» мужицкую речь в свои произведения — не просто пошел наперекор этой гладкости. Он не только разрушил прежние поэтические каноны, но и утвердил новые. Некрасову будут подражать и в 1870-е, и 1880-е, и в 1890-е, и позже.

* * *

Жизнь Некрасова — при том, что он добился заметного достатка, какого добился мало кто из русских литераторов, — была полна страданий, и духовных, и физических. Он будет мучительно болеть, с весны 1876 года уже не сможет заниматься журналом. И все-таки — ослабевший — будет работать над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», поэмой «Мать», рождая одновременно свои «Последние песни». Многие из них обращены к последней его любви, Фекле Анисимовне Викторовой, которую он будет называть Зиной. С ней он, безнадежно больной, обвенчается у себя на квартире 4 апреля 1877 года. 27 декабря он уйдет из жизни, оставив после себя, как скажет З. Н. Гиппиус, «загадку Некрасова». Попыток ее разгадать было множество. Еще одна — принадлежит тому самому Георгию Адамовичу, который пытался защитить Некрасова-поэта от наскоков одного из довольно известных в русском Париже писателей:

«Некрасов первый в нашей литературе взвалил на себя все, что увидел — и попытался все превратить в поэзию: именно в этом творческая совесть его особенно очевидна. Некрасов отказывался быть поэтом; если что-нибудь на земле оставалось вне поэзии, — боясь глубочайшего упрека, которому Леонид Андреев придал, к сожалению, чуть-чуть комическую форму: «как ты смеешь быть хорошим, когда я плохая?» Величие Некрасова в том, что он согласился быть «плохим», — во всяком случае «хуже» нарицательного Фета с его прелестными головками, — ради того, чтобы света никто не был лишен. Праздный, недоказуемый

¹² Андреевский С.А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 171.

¹³ См.: Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 196.

¹⁴ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т. Т. 11. — Л.: Наука, 1990. С. 33.

домысел? Нет, весь тон некрасовской поэзии, как бы всегда «сходящей в ад», всегда опускающейся до всего, что найдет низкого, всегда жертвенной, сочувствующей, ограждающей, искупающей, убеждает в этом, — даже если бы не был внятен текст»¹⁵.

Охватить поэзией все, даже самое непоэтическое, — это ведь тоже новое отношение к поэтическому слову. Всякий переворот, когда ломаются общепризнанные нормы, не просто утверждает новые принципы. Он говорит о большем: возможно вообще иное «воззрение» на тот или иной предмет, то или иное явление. Возможны иные основы для творчества, иные воззрения на привычные вещи. Так Лобачевский показал, что возможна геометрия на искривленной поверхности, где «не работают» школьные аксиомы. Так Мусоргский убедил — не современников, но потомков, — что могут быть «не школьные» основы голосоведения и вообще иные основы для создания произведения, нежели законы традиционной гармонии. Так Некрасов сказал своим творчеством об иных «основах» поэтической речи. И он настолько приобщился к народному языку, что в незаконченной своей поэме, извилистой, «многодорожной», он и думать начинает по-крестьянски. В поэме-странствии «Кому на Руси жить хорошо» воскресает русское утопическое сознание, поиски «Беловодья», «земли праведной». Те поиски истины, которые не имеют конца, как и его незаконченная поэма. И как, вместе с этим, преобразуется его поэтический «напев»!

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке...

С трехдольных размеров он перешел на ямб. Таково первое впечатление. Но как до странности часто в этом ямбе пропускаются ударные слоги. Как растягиваются слова.

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха...

Будто и не двудольный размер, а, напротив, — необычный, исключительный — *четырёхдольный*. Метр будто бы не «сжимается», но еще более растягивается. Как тягуча, бесконечна сама эта дорога. Как долог вообще путь русского крестьянина. Да и только ли крестьянина? Не о своем ли трудном, извилистом пути повествует Некрасов, со всеми его «окольными», «падениями» и «восхождениями»? Не примеривает ли на себя, на свое творчество он вопрос, заданный семью мужиками: «Кому живется счастливо?» Вопрос извечный, как вопрос о смысле жизни, смысле бытия человеческого, и, в сущности, — не имеющий ответа.

Сергей Федякин

¹⁵ Адамович Г. Некрасов // Современные записки. 1937. Кн. LXV. С. 415.

Стихотворения

Современная ода

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть
не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

1845

В дороге

«Скучно! скучно!... Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за все благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), —
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!

Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешись ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!...»

Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,

Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!

Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

«Я за то глубоко презираю себя...»

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкались ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!

1845

Родина

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житею последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее
дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдальцей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:

Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех
давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце
ныло.

Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Огородник

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь,
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, — чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. —
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок...

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь все знать.
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватъ!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетью, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и поприднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

Нравственный человек

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отчески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;

Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

1847

«Если, мучимый страстью мятежной...»

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

1847

«Еду ли ночью по улице темной...»

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!

С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,

Только мы оба глядели с рыданием,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

1847

Вино

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что случилось со мной?
Я не то чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
На душе все черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Все молчал, не отведывал щей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог.
Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
Степанида, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик, да и девка не прочь.
Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повели
Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож

И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

3

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
«Так не будет тебе ни гроша!» —
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

1848

«Ты всегда хороша несравненно...»

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1848

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848 (?)

«Поражена потерей невозвратной...»

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848 (?)

«Да, наша жизнь текла мятежно...»

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображение
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастьем зову...

А ты?... ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?

Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли?
И позабыла ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

1850

«Я не люблю иронии твоей...»

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

На улице

1

Вор

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.

Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И Богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

2

Проводы

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И все просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

Гробок

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитятко,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился?»

4

Ванька

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,

Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850

«Мы с тобой бестолковые люди...»

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

1851

«Блажен незлобивый поэт...»

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

*В день смерти Гоголя,
21 февраля 1852*

Муза

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страдания и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
В усладу нового пришельца в Божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном,
Все слышалось в нем в смещении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.

Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» — и буйным языком
В сообщники свои звала Господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.

Слабея, медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» — шептала
надо мной...

Так вечно плачущей и непонятой девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...

1852

За городом

«Смешно! нас веселит ручей, вдали
журчащий,
И этот темный дуб, таинственно шумящий;
Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юношей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовью над нами;

Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже
не дети!

Ужель поденный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслаждения
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему
причин!

Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли...

1852

**«Ах, были счастливые годы!...»
(Из Гейне)**

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седую своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо, —
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

«О письма женщины, нам милой!...»

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

Памяти друга

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

1853

Филантроп

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели — и упекли!
Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Все мы, бедные, извели,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель Бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.
Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,

Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою Станиславскою,
А любовь к добру, —
О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам Господь послал спасителя, —
Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Все как следует развели
И в столицу поскорей.
Прикатали прямо к сроднику,
Не пустил — ступай в трактир,
Помолился я угоднику,
Поначистил свой мундир
И пошел... Путем-дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду

Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит Бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство, —
Я сробел; чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь окоlesiцу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне... — Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Все, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту, —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Все я вспомнил, все прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство

К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

1853

Отрывки из путевых записок графа Гаранского

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol, in 4°. Paris, 1836*)¹⁶.

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взятки —
Природа нравится громадностью своей.

Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам

Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сюртуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими,
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем сойдет, я вам ручаюсь, спесь
С природы рейнской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, все клонит выю,

¹⁶ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 (*франц.*).

Но все ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь, —
Я славно ел и спал, подъячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно, — живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто, хороший
барин,
Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым
кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин!»
— Э, нету, ничего! маненечко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо, ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним... —
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто. —
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Его один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы. —
«Как так?» — Да так, сударь: как женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней первую ночь,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того... А вот, примерно, тут
Невольте посмотреть — домик на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай Бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку. —
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, сударь, мужичкам какое разоренье!

Ну, словом, все одно: тот с дворней выезжал

Разбойничать, тот затравил мальчишку, —
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, все как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»
— И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...

Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство, —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал все лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною.

Буря

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

1853

В деревне

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадры...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Все то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава Богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная». — Как можется, кумушка!
Все еще плачешь никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплюшал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство Небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай Бог зиму промаяться, —
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..

Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
«Слушай, равняйся!» — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

1854

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?...»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полоскою.

1854

Маша

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда,
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!».
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

1855

«Праздник жизни – молодости годы...»

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Все ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не лыщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

1855

«Я сегодня так грустно настроен...»

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам нашел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа вострепнется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

1855

Влас

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на Божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще все неможется,
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело Божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...

1855

В больнице

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

«Что за беда, — он шутя отвечал, —
Мне и в больнице покойно.
Я все соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит, —
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двусишя сует;
Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?) —
А то бы верно он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!
А как он бредил деревней своей,
Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!
Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытии и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
Счетом в могилу зароют.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,

Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкой
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой», —
Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибленной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора — в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрогнула вдруг — и ни слова...
В странном молчанье минута прошла!
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милой, желанной, сердечной!»
Все, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?

Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о нет!
Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул, —
И разошлись осторожно...

Свадьба

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем,
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у наложниц стоят молодые:
Парень-ремесленник фертном глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлёк,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!
Сколько ты плакала!.. Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:

Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди!

1855

«Давно – отвергнутый тобою...»

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

1855

Извозчик

1

Парень был Ванюха ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век.

Полусонный по природе,
Знай зевал в кулак
И прозвание в народе
Получил: вахлак!
Правда, с ним случилось диво,
Как в Грязной стоял:
Ел он мало и лениво,
По ночам не спал...
Все глядит, бывало, в оба
В супротивный дом:
Там жила его зазноба —
Кралечка лицом!
Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда,
Белоручка, белоличка...
Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:
«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил чаек,
Наблюдал свою лошадку,
Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейке вес,
Да какую же проделку

Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
Обрядил коня
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чу! шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чу! к нему идут.
Он вскочил, как заяц сгонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестясь, сказал:
«Слава Богу! слава Богу!
Цел мешок-то мой!
Не взыщите за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом.
«Цело все! — сказал купчина,
Парня подозвал:—
Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат —
Да Господь-то справедливый

Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...
Над разиней поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу...
Ни гугу — молчат;
Показали вверх друг другу
И пошли назад...
Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?..» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
А ведь был детина ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век...

1855

«Безвестен я. Я вами не стяжал...»

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои, — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

1855

«Тяжелый крест достался ей на долю...»

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

1855

Секрет (Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,

И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
За нужное счел обокрасть
И в практику бросился новую —
Запегся в питейную часть.

Потом...»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,

И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

1855

На родине

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив, —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!

Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

1855

Гадающей невесте

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Все отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

1855

Забытая деревня

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит.
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землю нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором.

4

Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина все нету... барин все не едет!

5

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

1855

«Замолкни, Муза мести и печали!...»

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

1855

«Где твое личико смуглое...»

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особенно
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

1855

«Внимая ужасам войны...»

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1856

Прощанье

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы, —
С могилы сердца моего!

1856

Влюбленному

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастье рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
Или почует на кладбище.

1856

Княгиня

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный.
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась — и над светским миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоит —
Если и погибнет, торжество удвоит!
Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,
Иль кругом все было страсти недостойно,
Только ни однажды в молодые лета
Грудь ее любовью не была согрета.
Годы пролетали. В вихре жизни бальной
До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня... Тут супруг скончался...
Труден был ей траур, — доктор догадался
И нашел, что воды были б ей полезны
(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,

Быть ему в Париже — так судьбам угодно!
Год в столице моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
В доктора-француза — и сама дивилась!
Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое... Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья... да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали;
Немец-управитель без большой печали
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
Земли, лес и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу...

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!

Деньги, бриллианты — все пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня... и тот год тяжелый
Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно...
А в отчизне дальной словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали... И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом с ее гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

1856

«Как ты кротка, как ты послушна...»

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

1856

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1856

«Я посетил твое кладбище...»

Я посетил твое кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее...
Увы, то время неозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни, —
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу с упреком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

Поэт и гражданин

Гражданин
(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти — и перестань корить!

Гражданин
(читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт
(с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?

Скажи пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но Небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной

Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник Неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер Бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служи искусству,

Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?... чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,

Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!..

Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.
.....
.....
Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!

Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои слышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно.
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах, песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи —
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —

То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

1856

Прости

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

1856

«В столицах шум, гремят витии...»

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

«Стихи мои! Свидетели живые...»

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным
дням,

Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Все курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты
не взяв,

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронного тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалою!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой

Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Видь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

**«Ночь. Успели мы всем насладиться...»
(Отрывок)**

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о Боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858

Песня Еремушке

— Стой, ямщик! жара неносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот,
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодцами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя! —

«На, родной! да ты откудова?»
— Я проезжий, городской. —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою,
У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой...

И тогда-то... — Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

Убогая и нарядная

1

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Все не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил — и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кровать
И двери поплотней припрет.

Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит — и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по муже,
А девочку взяла «мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...

.....
.....

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить, —
Рядом с ней?!..» И отхлынули прочь...
Нет! тебе сострадания не встретить,
Нищеты и несчастья дочь!
Свет тебя предаёт поруганью
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,

Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Все, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исcoverкав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать

И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастью, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком,
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась — в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоём экипаже,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! Знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоём!
Ты у Бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос — ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появление малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,

Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

1859

«Что ты, сердце мое, расходилося?...»

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрый словцом.

1860

«. . .одиноким, потерянным...»

...одиноким, потерянным,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь: «Не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно. —

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастья,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
Ласковым взором глядят».

1860

На Волге (Детство Валежникова)

1

.....
.....
Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдать ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, все село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, — говорил я жизни той, —
Ничем не купленный покой

Противен сердцу моему...

Быть может, неостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью — волк сидит

За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так — хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир — и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей деревьев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом все та же даль и ширь,
Все тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Все то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!...» Догнал, поймал, —
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —

И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью...» — Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще... —
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!

Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...
Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же самых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пусть умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,

Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...

.....
.....

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, бесплодно пропадешь,
Так заметается песком
Твой след на этих берегах,

Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой»!
И в такт мотая головой...

1860

Плач детей

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Все живое — счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Все и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
«Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!»
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:

Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться...
Но за чем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1860

На смерть Шевченко

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по Божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Все он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему Бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

1861

«Что ни год – уменьшаются силы...»

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

Свобода

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив Бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

1861

Похороны

Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка Божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу! — кричат наши детки проворные. —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий
(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стай с мякины летят воробы.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!

Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — Услышит, молчи! —

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай Бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав — вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:

«Прощайте, ребята! Старайтесь наипаче
На Господа Бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на Бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»

Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: прыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Все беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!

А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу сvezут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — Ступай себе мимо! —

«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —
«А что, у отца-то большая семья?»
— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я... —
«Так вон оно что! А как звать тебя?»
— Власом. —

«А кой тебе годик?» — Шестой миновал...
Ну, мертвая! — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы.
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки

Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!» —
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!»
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
 А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
 Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
 Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
 И вышли искать дупелей.

1861

Дума

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся по печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накаплиючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет — работой тешатся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валялися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

20 ноября 1861

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,

На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;

Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

1861

Зеленый Шум¹⁷

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — все зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилась,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:

«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ночью
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...

¹⁷ Так народ называет пробуждение природы весной.

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!»

«Литература с трескучими фразами...»

Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862

«В полном разгаре страда деревенская...»

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

Рыцарь на час

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.

Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совість песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,

Что по воздуху тихо плывут, —
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Все, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов —
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилась ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу

И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них вострепнется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени,
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Все, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — все живет предо мной,
Все так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозой сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.

Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолюю,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебной светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветают язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,

Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...
.....

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Все, что в сердце кипело, боролось,
Все луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

«Надрывается сердце от муки...»

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные пiski галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!

Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

Калистрат

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле Божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается, —
Носит лапти с подковыркою!..

1863

«Благодарение Господу Богу...»

I

«Благодарение Господу Богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу. —
«То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени! —
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука. —
«Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет. —
«Верно! увидишь своими глазами:
Русская песня не врет!»

III

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного,
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

1863

Орина, мать солдатская

*День-деньской моя печальница,
В ночь – ночная богомолица,
Векова моя сухотища...*

Из народной песни

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодного,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю».
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатака,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился... —

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
— Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вились у Иванушки
Русы кудри как шелковые... —

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — Богу обреченную!

Говорить — гневить Всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желанья:
Слег — и встал на ноги резвые

Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался:
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу:
«Не белы снежки», — закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу, — задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли Бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»

Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная... —

Мало слов, а горя реченька.
Горя реченька бездонная!..

1863

Железная дорога

*Ваня (в кучерском армячке). Папаша! Кто строил эту дорогу?
Папаша (в пальто на красной подкладке). Граф Петр Андреевич
Клейнмихель, душенька!
Разговор в вагоне*

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

«Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,

К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно

Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе».

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!...»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он все растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»

Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону... —

IV

«Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Все заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченья картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

1864

Возвращение

И здесь душа унынием объята.
Не ласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнию,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

1864

Памяти Добролюбова

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

1864

Балет

*Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...*

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не яркие у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайτε, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышинный жеребчик (так Гоголь

Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?),
Но и их я оставляю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслаждение, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце, —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выражение на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.

Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы все население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границу знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке¹⁸,
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра¹⁹,
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной

¹⁸ Хозяева английского магазина.

¹⁹ Известные модистки.

Удрученную душу свою.
С Богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, — такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня Бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?) Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочесть.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,

Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, — чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Все погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.

Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движение —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!)
— Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан... —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«*В стремление к идеалу*
Дурного, впрочем, нет.

Не все ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!...»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилась ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилась ножка вправо —
Мы вправо... «Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!..» — Фора! bis!

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимного сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,

Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Все — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Все слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевав, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглой.

От утра до вечерней поры
Все одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно дó сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

1866

«Ликует враг, молчит в недоуменье...»

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенье,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

1866

«Умру я скоро. Жалкое наследство...»

(Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»)

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставляю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой Музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,

И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

1867

Еще тройка

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Все лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил.
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?
Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка все гремит,
Гремит, звенит — и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?
Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

1867

Эй, Иван! **(Тип недавнего прошлого)**

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячетный
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур

(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
— Я... нигде-с... ей-богу... право.
У ворот стоял! —
«Весь-то день?..» Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
— Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет! —
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?»
— Так, под сердце подступило, —
И глядят: не пьян!
Говорит: — Вы потеряли
Верного слугу,
Все равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки

Петли не снимать... —
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
— Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!.. —

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ,
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.

Хоть бы в каторгу уroda —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С Богом, милый мой!»
И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

Выбор

Ночка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой
Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «Бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!..» И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет напрямиком.
«Прянь! Будь царицею царства подводного!..»

Тут подошел воевода Мороз:
«Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес!»
Белый старик с бородою пушистою
На воду триждыдохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: «Не топись, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица
Там твой нарушат покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет».

Девица берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.

Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чащу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Девушка с Лешим решилась идти.

Идут. Навстречу медведь попадается,
Девушка вскрикнула — страх обуял.
Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не доносит лучей,
Буря взыграет — ревушая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропщут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, девушка, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

Мать

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

1868

«Не рыдай так безумно над ним...»

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

Дома – лучше!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересестъ из коляски
И марш на охоту! Денек недурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

1868

«Наконец не горит уже лес...»

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пеня,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину имения.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —
Говорит он, лицо свое хмуря.
— Ты не будешь топить — будешь пить, —
Завывает в ответ ему буря...

1868

«Душно! без счастья и воли...»

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплеши!..

1868

Бунт (Живая картина)

... Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1857

Стихотворения, посвященные русским детям

I

Дядюшка Яков

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава Богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе все, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!...»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!

Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...

Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II Пчелы

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего налегке,

А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили;
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вежи поставили»,
Это он слово сказал!
Веришь: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,
Ну а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Все от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови Бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу Богу отвесил и он.

III Генерал Топтыгин

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок

Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,

Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,

Все село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

<IV>

Дедушка Мазай и зайцы

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За́ сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов насобираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:

Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит;
Выпалит дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,

Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с Богом!» сказал...
И во весь дух

Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... У-у-у-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...»

<V> Соловьи

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа

Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же Бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави Бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын кота дразнил,

Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

<VI>

Накануне светлого праздника

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он все понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,

В Страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сергучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас?
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им

Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал все тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, — толпы...
У Божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,

Картина была!..

1872—1873

Утро

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1874

Страшный год (1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О любовь! — где все твои усилия?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

1874

«Смолкли честные, доблестно павшие...»

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!

1874

Три элегии (А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнание, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознание,
Что без меня нет счастья ей!

Все, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,

И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
«Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...»

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Все кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,

Мечта любви, не знающей конца?..
Усни... умри!..

1873

Путешественник

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Merci!²⁰

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — Нет ни ковриги! —
«Где у вас скот?» — От заразы подход! —
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. — Помилуй нас Бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей! —

Думает немец: «Уж я не оглох ли?..
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать
в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

1874

²⁰ Спасибо (франц.).

Уныние

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный конь, с Кавказа приведенный,
Умен и смел, — как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда Кадо²¹ бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса²²,
Спущу курок — и птица упадет.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеванный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здоров. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса, — и тем я дорожу.
Я сам себя, читатель, нахожу,
А это все, что нужно для поэта.
Так шли дела; но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.

²¹ Собака.

²² Лошадь.

Недуг не нов (но сила вся в размере),
Его зовут уныньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну
Иль хоть смягчал трудом, по крайней мере,
А нынче с ним не оберусь хлопот.
Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам нежданная забота
Свести итог... О юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите Бога.
Бог старости — неумолимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «Оглянемся назад,
Поищем дел, достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокий бог! Он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волнение
Родил в уме, душою овладел.
«Я даром жил, забвенье мой удел, —
Я говорю, с ним жизнь мою читая, —
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!»
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву —
Мешает он во все свою отраву,
И снова мы идем рука с рукой.

Куда? увы! опять я проверяю
Всю жизнь мою, — найти итог желаю, —
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути, утопанные гладко,
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолимый.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт,
И знаешь ты: во мне нет сил героя, —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид) ...

IX

Суди, решай! А ты, мечта больная,
Воспрянь и, мир бесстрашно облетая,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...
С младенчества на этом мне пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумье молчаливом
И слышал я в их ропоте тоскливом
Тоску и скорбь попутных деревень...

X

Под берегом, где вечная прохлада
От старых ив, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой,
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыболов,
Добычу карауля, как разбойник;
Таинственно снастями шевеля,
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

XI

Чу! конь заржал. Трава кругом на славу
Но лошадям невесело пришлось,
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь,
Он не бежит проворно на огонь.
Хоть и над ним кружится рой докучный,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражен недугом роковым.

XII

Я подошел: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал все реже, все слабей.
Как вкопанный стоял он час — и боле,
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар,
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой покружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к ночи
И выклюет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест нивы золотой.

Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели Бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоит?

XIV

Ужель опять наградой будет плугу

Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чегождемся мы?..

XV

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуюсь,
Пишу стихи и, — недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье
На северном пустынном берегу...

1874

Отъезжающему

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит — недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку. —
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть;
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

1874

Пророк

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874

Элегия

А. Н. Е~~рако~~ву

Пусть нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.

О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы Божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время как она ликует и поет,
К народу возбуждать внимание сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пусть наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, —
Шепнула Муза мне. — Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,

И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

1874

Как празднуют трусу

Время-то есть, да писать нет возможности.
Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и вырос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешю
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

1870

Поэту (Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1874

Вступление к песням 1876–77 годов

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О Небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

1876

З<и>не

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

1876

«Скоро стану добычею тленья...»

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1876

«Угомонись, моя Муза задорная...»

Угомонись, моя Муза задорная,
Сил нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная
Вновь заплатила судьбе.

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежащего
Благослови, а не бей!..

.....
.....

Как человека забудь меня частного,
Но как поэта — суди...
И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать.

Музе

О Муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

1876

З<и>не

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Тёмные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
З<и>на! закрой утомленные очи!
З<и>на! усни!

1876

Друзьям

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

1876

Сеятелям

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

1876

Молебен

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Все население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,

О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенной видал!
«Милуй народ и друзей его, Боже! —
Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, Боже, Тебе».

1876

Отрывок

... Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

1877

«Дни идут... всё так же воздух душен...»

Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...

Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

1877

«Мы вышли вместе... Наобум...»

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

Ты как поденщик выходил
До света на работу.
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодая.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета!

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича,
И к ропоту народа.

В среде всеобщей пустоты,
Всеобщего растленья
Какого смысла ищешь ты,
Какого примиренья?

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата!

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей —
На дне ее — свобода!

1877

«Есть и Руси чем гордиться...»

Есть и Руси чем гордиться,
С нею не шути.
Только славным поклониться —
Далеко идти!

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей...

1877

«Вам, мой дар ценившим и любившим...»

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие заявившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
Верен: *«В горе жить —
Некручинну быть»* —
И, больной работая полгода,
Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

1877

Горящие письма

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...
.....

1877

З<и>не

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, З<и>на!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

1877

Поэту

Любовь и Труд — под грудями развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездействен и печален,
И медленно сгораешь со стыда.
И Небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

1877

Баюшки-баю

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде! —
Я прибрела на костылях!»
Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!

То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвения:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

1877

«Черный день! Как нищий просит хлеба...»

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду
Или мертвой в меру дай.

1877

Старость

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит.
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется, — в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцанье народных страданий
И в сознание бессилья — умри...

1877

Ты не забыта

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я не даром берегу...»

Вот и все, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь и смерть и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

1877

Осень

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?

Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не ложится на печи.
Сыт, согрелся, слава Богу,
Только спать бы! Нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

1877

Сон

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И Музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы».

1877

«Великое чувство! У каждых дверей...»

Великое чувство! У каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем, —
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

1877

«О Муза! я у двери гроба!...»

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

1877

Комментарии

Настоящий том включает избранные стихотворения и поэмы Н. А. Некрасова, которые составили два раздела. Внутри каждого раздела произведения располагаются в хронологическом порядке. Исключение составляют циклы, включившие стихотворения разных лет. Они публикуются по времени создания последнего стихотворения. Завершает издание незавершенная поэма «Кому на Руси жить хорошо», над которой поэт работал до последних своих дней. При подготовке комментариев была учтена работа, проделанная многими поколениями исследователей Некрасова, без которых понимание творчества поэта было бы неполным. Среди них: К. И. Чуковский, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. М. Гаркави, Н. Н. Скатов, В. Э. Вацуро, М. М. Гин, О. Б. Алексеева, Т. А. Беседина, И. А. Битюгова, А. Л. Гришунин, А. И. Груздев, О. В. Ломан, Б. В. Лунин, Б. В. Мельгунов, И. Ю. Твердохлебов, Т. С. Царькова и др.

Современная ода

Впервые: Отечественные записки. 1845. № 4. Подп.: «Н. Не-в». Сам Некрасов считал это стихотворение началом своей подлинной поэзии.

В дороге

Впервые: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Стихотворение высоко оценили В. Г. Белинский и А. И. Герцен. Согласно воспоминаниям И. И. Панаева, Белинский, воздействие которого на уmonoстроения Некрасова было решающим, услышав впервые это стихотворение, воскликнул: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 249).

Варган (от старославянского «варги» — рот, уста) — народный язычковый музыкальный инструмент, на котором играли, прижав его к зубам. В контексте стихотворения — вообще музыкальный инструмент.

Вальяжный — представительный, величественный.

Перебрал по ревизии души... — проверил списки крепостных.

Тягло — податная обязанность хозяйства (крестьянской семьи), отработать норму на барщине или в виде оброка.

Коты — род женских полусапожек.

Колыбельная песня

Впервые: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846. Сатира, написанная по мотивам «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова. Стихотворение было допущено к публикации, но по выходе из печати вызвало нарекания цензора. С этого времени Некрасов заслужил в официальных кругах репутацию неблагонадежного писателя.

«Я за то глубоко презираю себя...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856. Согласно исследованиям, написано в 1846 г. В прижизненных изданиях печаталось с подзаголовком «(Из Ларры)». Выдавая свое

стихотворение за перевод произведения знаменитого испанского сатирика Марьяно Хосе де Ларра (1809—1837), Некрасов стремился избежать цензурных препятствий.

Родина

Впервые: опубликовано и включено в собрание сочинений: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856. Завершено в 1846 г.

По воспоминаниям Панаева, «стихотворение «Родина» привело Белинского в совершенный восторг. Он выучил его наизусть и послал его в Москву к своим друзьям...» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 249).

Чей лик в аллее дальней... — поэт пишет о своей матери, Елене Андреевне Некрасовой, которая умерла 29 июля 1841 г., в Грешневе. Образ матери в саду появится и в незаконченной поэме «Мать» (см. наст. издание).

...Навеки отдана угрюмому невежде... — речь идет об отце поэта, Алексее Сергеевиче Некрасове (1788—1862).

...сестра души моей... — сестра Некрасова Елизавета (1821?—1842) была выдана замуж в 1841 г. за пожилого подполковника в отставке С. Г. Звягина и, по-видимому, умерла в родах или вскоре после.

Ее бессмысленной и вредной доброты... — эти строки о няне написаны в противовес известному пушкинскому образу («Голубка дряхлая моя...» в стихотворении «Подруга дней моих суровых...» и «...добрая подружка бедной юности моей» в стихотворении «Зимний вечер»).

Огородник

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1846. № 4.

Стихотворение связано с многими фольклорными и литературными источниками. Положено на музыку многими композиторами.

Тройка

Впервые: Современник. 1847. № 1.

Стихотворение получило высокую оценку Н. П. Огарева, который 17 января 1847 г. признавался в письме Т. Н. Грановскому: «Я ее читал раз десять» (Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2. М., 1956. С. 395). Положено на музыку многими композиторами.

Нравственный человек

Впервые: Современник. 1847. № 3.

По поводу этого стихотворения 19 февраля 1847 г. Белинский писал Тургеневу: «Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. М. 1956. С. 336). (На этом сравнении позже часто строил свои статьи о Некрасове В. В. Розанов.)

«Если, мучимый страстью мятежной...»

Впервые: Современник. 1847. № 7.

«Еду ли ночью по улице темной...»

Впервые: Современник. 1847. № 9.

Согласно воспоминаниям современников, впервые прочитанное в кружке Белинского стихотворение потрясло слушателей. Тургенев из Парижа, прочитав эту книжку журнала, писал 14/26 ноября 1847 г. Белинскому: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке «Современника» меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». (*Тургенев И. С. Письма в тринадцати томах. Т. I. М. — Л., 1961. С. 264*).

Вино

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано, вероятно, в 1853 г.

«Ты всегда хороша несравненно...»

Впервые: Современник. 1850. № 9.

Один из известных исследователей Некрасова, К. И. Чуковский, полагал, что адресат стихотворения — женщина, которую поэт знал до сближения с Авдотьей Панаевой.

Положено на музыку многими композиторами.

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Впервые: Album do m-me Olga Kozlov. М., 1883. С. 171. Некрасов относил это стихотворение к 1848 году, но эта датировка подвергается сомнению (см.: *Эльзон М. Д. О датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...» // Некрасовский сборник, вып. VII. Л., 1980. С. 123—130*).

Сенная — Сенная площадь, в центре Санкт-Петербурга. До середины XIX века — место публичных телесных наказаний по приговору суда.

«Поражена потерей невозвратной...»

Впервые, под заглавием: «В черный день» и с подписью: «Н. Н.»: Современник. 1856. № 5. По свидетельству самого Некрасова, стихотворение написано в 1848 году на кончину первенца. Его сын умер младенцем.

«Да, наша жизнь текла мятежно...»

Впервые, с подзаголовком: «(Из Шенье)»: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856. Впоследствии поэт не стал выдавать это стихотворение за перевод и перепечатывал его без подзаголовка. Это — стихотворное послание 1850 года А. Я. Панаевой за границу, где она находилась на лечении.

«Я не люблю иронии твоей...»

Впервые: Современник. 1855. № 11. Поэт датировал стихотворение 1850 годом, хотя исследователи подвергают эту дату сомнению. Обращено, по всей видимости, к А. Я. Панаевой.

На улице

Впервые «Вор», «Проводы» и «Ванька»: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856; «Гробок» (под названием «Гроб») — Стихотворения Н. Некрасова. Издание пополненное. Берлин, 1862. Цикл окончательно сформировался в издании: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1863.

«Мы с тобой бестолковые люди...»

Впервые: Современник. 1851. № 11.

Обращено к А. Я. Панаевой.

«Блажен незлобивый поэт...»

Впервые, с датой: «25 февраля 1852 года»: Современник. 1852. № 3.

На беловом автографе другая дата: «22 февр. 1852». Написано на смерть Н. В. Гоголя, который скончался в Москве 21 февраля 1852 г., по мотивам лирического отступления в VII главе «Мертвых душ». Один из манифестов гражданского направления в русской литературе.

Муза («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...»)

Впервые: Современник. 1854. № 1.

Всего вероятнее, закончено до 11 августа 1852 г.

Здесь скрытая полемика с образом музы в стихотворении Пушкина «Наперсница волшебной старины...» (1821):

*Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.*

За городом

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856. Написано не позже 7 декабря 1852 г.

«Ах, были счастливые годы!..»

Впервые: Современник. 1853. № 1.

Вольный перевод «Frau Sorge» Генриха Гейне (из его книги «Romanzero»). Из разных автодатировок наиболее вероятным является 6 декабря 1852.

«О письма женщины, нам милой...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Автором датировано 1852 годом. По всей видимости, обращено к А. Я. Панаевой.

Застенчивость

Впервые: Современник. 1855. № 1.

Написано в 1852 или 1853 году.

Памяти приятеля

Впервые: Современник. 1855. № 3.

Посвящено памяти В. Г. Белинского, который скончался 26 мая 1848 г. Написано, по одним сведениям, в 1851, по другим — в 1853 году.

Затеряна давно твоя могила... — Белинский был похоронен на Волковом кладбище. Вскоре могила действительно была затеряна. Разыскана только в 1856 г.

Филантроп

Впервые: Современник. 1856. № 2.

Написано в 1853 г.

В стихотворении отразилась деятельность петербургского благотворительного Общества посещения бедных, возникшего в 1846 году, членами которого были министры, князья, графы, великосветские дамы и др., в том числе петербургские литераторы. Председателем общества был В. Ф. Одоевский, некоторые черты которого отразились в образе филантропа.

Провиантская комиссия — учреждение, которое ведало продовольственным снабжением армии.

Звезда Станиславская — орден Св. Станислава.

Гайдук — изначально — легкий воин, позже так стали называть прислугу в венгерской, гусарской или казачьей одежде.

Отрывки из путевых записок графа Гаранского

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано, вероятно, в 1853 году.

Буря

Впервые: первоначальная редакция — Современник. 1850. № 9; переработанный текст — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856. Вторая редакция относится, по всей видимости, к 1853 г.

Многими композиторами было положено на музыку.

Шубка — здесь: сарафан.

В деревне

Впервые: Современник. 1854. № 11.

Часть стихотворения написана по мотивам народных причитаний.

Несжатая полоса

Впервые: Современник. 1855. № 1.

Написано, вероятно, в 1854 г.

Положено на музыку многими композиторами.

Станица — сам Некрасов объяснил одному из корреспондентов, что в народе говорят: птицы летают станицами.

Маша

Впервые: Современник. 1855. № 3.

«Праздник жизни – молодости годы...»

Впервые: Современник. 1856. № 8.

Написано в 1855 г.

«Я сегодня так грустно настроен...»

Впервые: Современник. 1855. № 5.

С 1853 г. Некрасов был серьезно болен, что и отразилось на содержании стихотворения.

Влас

Впервые: Современник. 1855. № 6.

Стихотворение, с некоторыми оговорками, высоко оценил Ф. М. Достоевский.

Неоднократно положено на музыку.

В больнице

Впервые: Современник. 1855. № 10.

Закончено в 1855 г. Первоначально стихотворение писалось как вступление к поэме «В.Г. Белинский».

Свадьба

Впервые: Современник. 1855. № 11.

Налой (или аналой) — высокий, вытянутый вверх четырехгранный столик для богослужбных книг и икон.

«Давно – отвергнутый тобою...»

Впервые: Современник. 1856. № 9.

Написано под впечатлением размолвки с А. Я. Панаевой, которой и посвящено.

Неоднократно положено на музыку.

Извозчик

Впервые: Современник. 1855. № 5.

Грязная — улица в Петербурге, где находилась извозчичья биржа.

«Безвестен я. Я вами не стяжал...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано в 1855 г.

«Тяжелый крест достался ей на долю...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано в 1855 г. Посвящено А. Я. Панаевой.

Было неоднократно положено на музыку.

Секрет

Впервые: стихи 21—36 — Современник. 1851. № 11; полностью — Современник. 1856. № 8.

Закончено в 1855 г.

Юфта — сорт кожи, выделанной из ялового или коровьего сырья.

На родине

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано летом 1855 г. В это время Некрасов жил на даче в Петровском парке под Москвой.

Много раз было положено на музыку.

Гадающей невесте

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано в 1855 г.

Забытая деревня

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано в 1855 г.

Многими современниками стихотворение было прочитано как аллегория, где под забытой деревней подразумевалась Россия, под старым барином — недавно почивший император Николай I, а под новым — Александр II.

Одно из первых стихотворений Некрасова, переведенных на иностранные языки.

Цуг — упряжка, в которой лошади идут гуськом или парами, одна за другой.

«Замолкни, Муза мести и печали!..»

Впервые: Современник. 1856. № 3.

Написано в 1855 г. Этим стихотворением поэт завершил книгу «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856), придавая ему особое значение.

«Где твое личико смуглое...»

Впервые: Современник. 1861. № 1.

Написано в 1855 г.

Вероятно, обращено к А. Я. Панаевой.

Много раз было положено на музыку.

«Внимая ужасам войны...»

Впервые опубликовано: Современник. 1856. № 2.

Отклик на Крымскую войну. Вероятно, поводом к созданию послужил рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года», отдельные главы которого автор читал Некрасову еще до публикации. См. также комментарий к поэме «Тишина».

Многokrратно положено на музыку.

Прощанье

Печатается по беловому автографу ГБЛ (Зап. тетр. № 3).

Впервые: *Чуковский К. И.* Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова. — 30 дней, 1931. № 1, с. 57.

Написано в 1856 г. под впечатлением размолвки с А. Я. Панаевой, к которой и обращено.

Влюбленному

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Написано в 1856 г.

Княгиня

Впервые: Современник. 1856. № 4.

Написано под впечатлением смерти графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой (урожд. Нарышкина, по второму мужу баронесса Пуалли, 1818—1856). Ее история сделала шум в петербургских великосветских кругах. Сюжет стихотворения основан на слухах, а не реальных фактах. Когда в 1859 г. перевод стихотворения на французский язык прочитал барон Пуалли, он отправился в Россию с целью вызвать Некрасова на дуэль. Вмешательство друзей поэта помогло избежать поединка.

Да в строфах небрежных русского поэта... — отсылка к стихотворению М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840), которое было посвящено Воронцовой-Дашковой.

«Как ты кротка, как ты послушна...»

Впервые: Современник. 1856. № 8.

Многokrатно было положено на музыку.

Школьник

Впервые: Библиотека для чтения. 1856. № 10.

Написано в 1856 г.

Архангельский мужик — М. В. Ломоносов.

«Я посетил твое кладбище...»

Впервые: Современник. 1856. № 9.

Обращено к давней неизвестной возлюбленной, смутные упоминания о которой остались в воспоминаниях современников.

Другую женщину я знал... — имеется в виду А. Я. Панаева.

Поэт и гражданин

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Писалось в 1855—1856 годах. По выходу книги Некрасова послужило поводом к цензурным гонениям, в том числе воспрещению перепечатывания стихотворения.

«Не для житейского волненья...» — из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

А ты, поэт! избранник неба... — отсылка к характеристике поэта «небес избранник» в том же стихотворении Пушкина.

Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан. — Отсылка к строке К. Ф. Рылеева «Я не поэт, а гражданин...» из посвящения к поэме «Войнаровский» (1823—1825).

Кадеты — воспитанники средних военно-учебных заведений для детей дворян и офицеров.

Предводитель — предводитель дворянства, губернский или уездный; выборная административная должность.

Плантатор — т. е. помещик.

Прости

Впервые: Библиотека для чтения. 1856. № 10.

Написано летом 1856 г.

Обращено к А. Я. Панаевой.

Многократно положено на музыку, в том числе известнейшими композиторами: Ц. А. Кюи (1859), Н. А. Римским-Корсаковым (1883), П. И. Чайковским (1887); в XX веке — Н. Н. Черепнинным (1904), А. Н. Александровым (1948) и др.

«В столицах шум, гремят витии...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1861.

Написано в 1858 г., но не было пропущено цензурой в октябрьский номер «Современника» за этот год.

«Стихи мои! Свидетели живые...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Написано предположительно в 1858 г.

Неоднократно было положено на музыку.

Размышления у парадного подъезда

Впервые, без подписи, под названием «У парадного крыльца»: Колокол. 1860. 15 янв., л. 61, с. 505—506. Стихотворению было дано примечание А. И. Герцена: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить». Позже было перепечатано: Стихотворения Н. Некрасова, ч. 2. Изд. 3-е. СПб., 1863.

Написано в 1858 г. По воспоминаниям А. Я. Панаевой, однажды Некрасов увидел из окна своей квартиры, как городовые и дворники гнали от подъезда дома крупного чиновника крестьян, которые хотели подать прошение (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 86).

Последняя часть стихотворения («Назови мне такую обитель...» и далее) была одной из любимых студенческих песен.

«Ночь. Успели мы всем насладиться...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1861.

Написано предположительно в 1858 г.

Песня Еремушке

Впервые: Современник. 1859. № 9.

Написано предположительно в 1859 г. Стихотворение обрело исключительную популярность, отчасти в связи с политической окраской.

Положено на музыку М. П. Мусоргским (1871) с сокращениями текста и некоторыми изменениями под названием «Колыбельная Еремушке».

Убогая и нарядная

Впервые, с датой: «23 декабря»: Современник. 1860. № 1.

Датируется 23 декабря 1857 г.

Ванька — извозчик.

«Что ты, сердце мое, расходилося?..»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Написано, всего вероятнее, в 1860 г. Стихотворение — ответ на распространившиеся слухи о том, что поэт корыстолюбив, к тому же неискренен и лицемерен в своих стихах.

Неоднократно было положено на музыку.

«...одиноким, потерянным...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Незадолго до смерти поэт пояснил, что поводом к созданию стихотворения стал разлад с Тургеневым в 1860 г., который в конце этого года порвал с «Современником». Примирение писателей произошло перед смертью Некрасова.

На Волге

Впервые с цензурными купюрами: Современник. 1861. № 1.

Написано в 1860 г. Как вспоминал Н. Г. Чернышевский: «Для всех очевидно, — писал он, — что в пьесе «На Волге (Детство Валежникова)» есть личные воспоминания Некрасова о его детстве. Однажды, рассказывая мне о своем детстве, Некрасов припомнил разговор бурлаков, слышанный им ребенком, и передал; пересказав, прибавил, что он думает воспользоваться этим воспоминанием в одном из стихотворений, которые хочет написать. Прочитав через несколько времени пьесу «На Волге», я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенной точностью, без всяких прибавлений или убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха; они нимало не изменяют смысла речи и даже часто с грамматической и лексикальной стороны немногочисленны и не важны. Вместо «а кабы умереть к утру, так было б еще лучше», — в пьесе сказано:

А кабы к утру умереть,
Так лучше было бы еще;

только такими пятью-шестью переменами отличается передача разговора в пьесе от воспоминания об этом разговоре, рассказанного Некрасовым мне. Когда я читал пьесу в первый раз, у меня в памяти еще были совершенно тверды слова, слышанные мною» (*Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. I, М., 1939. С. 753—754*).

Стихотворение высоко оценивали писатели-почвенники — Аполлон Григорьев и Ф. М. Достоевский.

...За нашей ригой, а в саду... — Рига — крытый ток для сушки снопов.

Рыбалки дремлют над водой... — т. е. рыбаки, рыбачки.

Расшиива движется рекой. — Расшиива — парусное речное плоскодонное судно.

...*Хоть на Илью...* — Ильин день (20 июля ст. ст.) — один из основных летних церковных праздников.

Плач детей

Впервые: Современник. 1861. № 1.

Написано в 1860 г. Согласно пояснениям Некрасова, первоисточник стихотворения он нашел у английской писательницы Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861). Он имел подстрочный прозаический перевод и при создании своего произведения ушел далеко от подлинника.

На смерть Шевченко

При жизни опубликовано не было по цензурным соображениям. Впервые: Зоря (Львов). 1886. № 6.

Написано 27 февраля 1861 г., на следующий день после смерти выдающегося малороссийского (украинского) поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814—1861).

«Что ни год – уменьшаются силы...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Написано в 1861 г.

Свобода

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869, в приложении «Стихотворения 1860—1863 годов, не вошедшие в предыдущие части».

Написано, по всей видимости, в 1861 году как отклик на реформу по освобождению крестьян.

Похороны

Впервые: Современник. 1861. № 9.

Написано в 1861 г. Стихотворение стало популярной народной песней.

Крестьянские дети

Впервые, с посвящением: «О. С.-вской»: Время, 1861. № 10.

Написано в 1861 г., ко дню ангела Ольги Сократовны Чернышевской, жены Н. Г. Чернышевского, которой стихотворение и посвящено.

...*Так рядом с Гаврилой...* — *Гаврила* — Г. Я. Захаров, которому посвящены «Коробейники».

У нас же дорога большая была... — Имеется в виду тракт из Костромы в Ярославль, проходивший неподалеку от села Грешнево.

Лава — здесь: помост, плот.

Дума

Впервые: Современник. 1861. № 9.

Написано 16 августа 1861 г.

20 ноября, 1861

Впервые, без заглавия, в составе статьи Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова»: Современник. 1862. № 1.

Написано 2 января 1862 г. Добролюбов (1836—1861) умер 17 ноября, 20 ноября состоялись его похороны. В стихотворении отразились впечатления этого дня.

Зеленый Шум

Впервые: Современник. 1863. № 3.

Написано в конце 1862-го или начале 1863 г. Образ «зеленого шума» восходит к игровой песне украинских девушек.

Многokrатно положено на музыку, в том числе С. В. Рахманиновым (1902, одноименная кантата).

Играючи, расходится / Вдруг ветер верховой... — т. е. северо-западный ветер.

«Литература, с трескучими фразами...»

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Написано в 1862 г.

«В полном разгаре страда деревенская...»

Впервые, под заглавием: «Страда»: Современник. 1863. № 4.

Написано в конце 1862-го или в начале 1863 г.

Многokrатно положено на музыку.

Рыцарь на час

Впервые: Современник. 1863. № 1—2.

Написано в 1862—1863 гг. Стихотворение обрело большую популярность среди современников, не только у сподвижников Некрасова. Шедевром поэта считал это стихотворение Ф. М. Достоевский.

Церковь старая чудится мне... — Церковь Петра и Павла в селе Абакумцево, неподалеку от Грешнева. В ограде церкви находится могила матери поэта.

«Надрывается сердце от муки...»

Впервые: Современник. 1863. № 9.

Написано в 1863 г. Стихотворение отразило впечатления от учиненных расправ с передовыми людьми этого времени: Н. Г. Чернышевским, М. Л. Михайловым, Н. А. Серно-Соловьевичем.

Калистрат

Впервые: Современник. 1863. № 9.

Написано 5 июня 1863 г.

Неоднократно положено на музыку, в том числе М. П. Мусоргским (с некоторыми изменениями в тексте).

Носит лапти с подковыркою!.. — Обычные лапти плелись в два ряда, лапти с подковыркою — в три.

«Благодарение господу богу...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869. В приложении: «Стихотворения 1860—1863 годов, не вошедшие в предыдущие части».

Написано в 1863 г. Полное чтение ст. 30 неизвестно. Образ дороги в стихотворении навеян печально знаменитой Владимиркой, по которой гнали арестантов. Возможно — другим пересыльным трактом.

Брат, удаляемый с поста опасного... — Судя по всему, поэт и революционер М. Л. Михайлов, которому посвящен «Рыцарь на час».

Орина, мать солдатская

Впервые, с заглавием: «Горе старой Орины» и без эпиграфа: Современник. 1864. № 2.

Написано в 1863 г. Основано на рассказе крестьянки.

Ни словечка, бесталанная... — т. е. несчастливая.

Железная дорога

Впервые, с подзаголовком «Посвящается детям» и фиктивной датой: «1855»: Современник. 1865. № 10.

Возможно, замысел произведения — начало 1860-х

гг. Закончено, вероятно, в 1864 г. Дата публикации «1855 г.» была поставлена для цензуры, чтобы отнести описанное в стихотворении к другой эпохе. После публикации стихотворения журналу «Современник» было объявлено второе предостережение. После третьего он подлежал закрытию. Стихотворение стало особенно популярным у молодежи.

Видел я в Вене святого Стефана... — Католический собор Святого Стефана — символ города Вены и национальный символ Австрии. Заложен в XII в., современный вид приобрел к 1511 году.

Или для вас Аполлон Бельведерский Хуже печного горшка? — отсылка к стихотворению Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

Вот ваш народ — эти термы и бани... — Термы — бани в Древнем Риме.

Возвращение

Впервые: Современник. 1865. № 9.

Написано в 1864 г. по поводу возвращения Некрасова из-за границы, где поэт пребывал в мае — августе 1864 г. В стихотворении отразились впечатления от приезда в Карабаху осенью 1864 г.

Памяти Добролюбова

Впервые, без заглавия, с подзаголовком «(Отрывок)»: Современник. 1864. № 11—12. В этой публикации стихотворению предшествовал эпиграф из Добролюбова, подписанный буквой Д:

*Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезею...*

Написано в 1864 г.

Балет

Впервые, с заглавием «Балет (Сатира 9)»: Современник. 1866. № 2.

Эпиграф — неточная цитата из главы первой, строфы XXXII «Евгения Онегина» Пушкина.

...И мышинный жеребчик (так Гоголь Молодящихся старцев зовет) ... — см. «Мертвые души» (т. I, гл. VIII): «... семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам».

Генерал-губернатор Суворов... — А. А. Суворов (1804—1882), внук А. В. Суворова, генерал-губернатор Петербурга в 1861—1866 гг.

Не все ж читать вам Бокля! — Г. Т. Бокль (1821—1862), английский историк и социолог-позитивист, автор «Истории цивилизации Англии», невероятно популярной в 1860-е гг.

Но явилась в рубахе крестьянской Петипа — и театр застонал!... — Петипа — Мария Сергеевна Петипа (урожд. Суровщикова, 1836—1882), жена известнейшего балетмейстера, театрального деятеля и педагога Мариуса Ивановича Петипа (1818—1910). Некрасов имеет в виду танец «мужичок», который исполнялся в фальшивом «русском» стиле.

Как Бернарди затянет «Лучину»... — Рита Бернарди — певица итальянской оперной труппы в Петербурге.

Так танцуй же ты «Деву Дуная»... — «Дева Дуная» — балет в 2 актах 4 картинах композитора Адольфа Адана. Автор либретто и балетмейстер — Филиппо Тальони. Шел на сцене Большого театра с 1837 г.

... (Вот бы Роллер нам их показал!) ... — Роллер — Роллер Андрей Адамович (1805—1891), главный декоратор императорских театров.

«Ликует враг, молчит в недоуменье...»

Впервые, с подзаголовком: («Из Ларры»): Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869. В приложении «Стихотворения 1860—1863 годов, не вошедшие в предыдущие части».

После неудавшегося покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) Некрасов 16 апреля принял участие в официальном чествовании М. Н. Муравьева (1796—1866), уже получившего после подавления волнений 1863 г. в Белоруссии и Литве кличку Вешатель, только что назначенного председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова. Ради спасения журнала «Современник» Некрасов прочитал в его честь сочиненные стихи, тогда же уничтоженные. Вечером этого дня поэт написал «Ликует враг, молчит в недоуменье...» Чтобы избежать цензурных препятствий, поэт, как уже и раньше это делал, выдал стихотворение за перевод испанского сатирика Марьяно Хосе де Ларра (1809—1837).

«Умру я скоро. Жалкое наследство...»

Впервые, с датой: «1867»: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869.

В 1866 г. Некрасов получил письмо со стихотворным обращением к нему за подписью «Неизвестный друг»:

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

(Н. А. Некрасову)

Мне говорят: твой чудный голос — ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словом лишь к добру толпу влечешь,
А сам, как змей, смеешься над толпою.
Но их речам меня не убедить:
Иное мне твой взгляд сказал невольно.
Поверить им мне было б горько, больно...
Не может быть!

Мне говорят, что ты душой суров,
Что лишь в словах твоих есть чувства пламень,
Что ты жесток, что стих твой весь любовь,
А сердце холодно, как камень!
Но отчего ж весь мир сильнее любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И в них обман, а не душа живая?..

Не может быть!

Но если прав ужасный приговор?..
Скажи же мне, наш гений, гордость наша,
Ужель сулит потомства строгий взор
За дело здесь тебе проклятья чашу?
Ужель толпе дано тебя язвить,
Когда весь свет твоей дивится славе,
И мы сказать в лицо молве не вправе —
Не может быть?!

Скажи, скажи, ужель клеймо стыда
Ты положил над жизнь свою?
Твои слова и я приму тогда
И с верою расстанусь я моею.
Но нет! И им ее не истребить!
В твои глаза смотря с немим волненьем,
Я повторю с глубоким убежденьем:
Не может быть!

На рукописи Некрасов написал: «Получил 3 марта 1866». Как выяснилось в более поздние годы, автором послания была поэтесса и переводчица О. П. Маркова-Павлова (1832—1896). Некрасов тут же набросал вариант ответа. Но лишь через год написал стихотворение «Умру я скоро. Жалкое наследство...», в сущности, отвечая многим.

Еще тройка

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869.

Написано 2 марта 1867 г. Название отсылает к известному стихотворению П. А. Вяземского «Еще тройка»:

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит...

Вместе с тем, в произведении — полемическая отсылка ко всем многочисленным «тройкам» в русской поэзии. На лирическую традицию Некрасов отозвался сатирой, в которой отразилась историческая ситуация после выстрела Д. Каракозова.

Эй, Иван!

Впервые: Отечественные записки. 1868. № 1, в части тиража, вместо сатиры «Суд».

Выбор

Впервые: Отечественные записки. 1868. № 1.

Стихотворение внутренне связано с поэмами «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо».

Мать

Впервые, с датой: «1868»: Отечественные записки. 1868. № 10.

Стихотворение было широко популярно в революционной среде уже после смерти поэта.

«Не рыдай так безумно над ним...»

Впервые, с датой: «1868»: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869.

По свидетельству Некрасова, стихотворение навеяно смертью Д. И. Писарева и обращено к его гражданской жене Марии Александровне Маркович. Свои последние статьи критик публиковал в журнале «Отечественные записки», который стал редактировать Некрасов. Когда Писарев утонул, Некрасов хлопотал о доставке тела покойного в Петербург и организации похорон.

Дома – лучше!

Впервые, с подписью: «Н»: Отечественные записки. 1868. № 11.

Написано в марте — июне 1867 г. по возвращении на родину из заграничной поездки во Францию и Италию.

«Наконец, не горит уже лес...»

Впервые: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869.

«Душно! без счастья и воли...»

Впервые, с заглавием «(Из Гейне)» и датой: «1868»: Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 4. СПб., 1869. Ссылка на Гейне дана из цензурных соображений.

Стихотворение было популярно в революционных кругах.

Многократно положено на музыку.

Бунт

Впервые — в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Предсмертные думы Н. А. Некрасова»: Заветы. 1913. № 6.

Написано предположительно в 1872 г., как отклик на «Записки жандарма. Воспоминания» жандармского полковника А. И. Ломачевского («Вестник Европы». 1872. № 3—5), который пытался провести мысль, что «голубые мундиры» были на местах буфером между народом и администрацией.

Стихотворения, посвященные русским детям

Цикл стихотворений, над которым поэт работал с 1867 по 1873 год. Первоначально хотел в него включить и стихотворение «Железная дорога» (1864), но после отказался от этого намерения, возможно, потому, что тональность «Железной дороги» отличается от этих стихотворений. При работе над произведениями для детей поэт опирался на знание устного народного творчества и исследования по фольклору. При публикациях Некрасов давал примечание, что данное произведение — из книги стихотворений для детского чтения, что готовится к печати.

I. ДЯДЮШКА ЯКОВ

Впервые: Отечественные записки. 1868. № 2.

С офенями (в отличие от коробейников они торговали с воза) поэт Некрасов познакомился в 1861 г., когда был во Мстере (Вязниковский уезд, Владимирская губерния), где производились лубочные картины и книги.

Неоднократно было положено на музыку.

Седенький сам, а лошадка каракова... — караковая лошадь — с черным окрасом корпуса, гривы и хвоста и с рыжими подпалинами на морде.

Сбоина макова — сладкий жмых из семян мака.

...На грош два кома! — Последние два слова эти произносятся слитно, с ударением на «два».

II. ПЧЕЛЫ

Впервые: Отечественные записки. 1868. № 2.

III. ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Впервые: Отечественные записки. 1868. № 2.

Лишний шкалик за него Поднесу... — т. е. еще полбутылки.

Сам смотритель на крыльцо Выбегает бойко... — Смотритель — старший на почтовой станции, где проезжающие меняют лошадей.

Не заметил впопыхах, Что с железом губа... — Медведям, которых водили по деревням, продевали кольцо через губу для цепи.

<IV>. ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Впервые: Отечественные записки. 1871. № 1.

В августе, около Малых Вежей... — Малые Вежи — деревня Костромской губернии, где часто охотился Некрасов.

(Всю эту местность вода понимает...) — т. е. заливает в половодье.

Начал частенько Мазай пуделять... — т. е. промахиваться при стрельбе.

Спичку к затравке приложит — и грянет! — Затравка — у ружья, которое заряжается с дула, скважина в стволе, куда насыпают порох.

<V>. СОЛОВЬИ

Впервые: Отечественные записки. 1870. № 10.

<VI>. НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

Впервые: Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник. Издание А. Н. Якоби. СПб., 1873.

Накануне светлого праздника — т. е. накануне Пасхи, главного православного праздника. Светлым праздником называлась Пасха, а вся Пасхальная неделя — Святой неделей. Первый день Пасхи всегда бывает в воскресенье; суббота накануне называется Страстной или Великой.

Я ехал к Ростову... — имеется в виду Ростов Великий. Некрасовская Карабиха находилась между Ростовом и Ярославлем.

Утро

Впервые: Отечественные записки. 1874. № 2.

Написано в 1872—1873 гг. Стихотворение предвосхищает образ города в поэзии В. Я. Брюсова и А. А. Блока. Г. В. Адамович заметил тематическое сходство «Утра» со стихотворением Бодлера «Рассвет» и даже интонационную общность русского и французского поэтов (См.: Адамович Г. Некрасов // Современные записки. 1937. Кн. LXV. С. 415).

Страшный год

Впервые: Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876.

Стихотворение — отклик на события франко-прусской войны и поражение Парижской коммуны. Заглавие — отсылка к одноименному сборнику стихов Виктора Гюго, с которым Некрасов познакомился в апреле 1872 г. Тогда же были сделаны первые наброски. Завершено стихотворение было в 1874 г.

«Смолкли честные, доблестно павшие...»

Впервые: в нелегальной печати, без заглавия, с подзаголовком: «Посвящается подсудимым процесса 50-ти», — Земля и воля. 1879. № 5. 8 апр.; за границей — Общее дело. 1882. № 47, март. С. 1; в легальной печати — Сибирская жизнь (Томск). 1898. № 53.

Написано в 1872—1874 гг. Как и «Страшный год», является откликом на франко-прусскую войну и подавление Парижской коммуны.

Три элегии

Печатается по ПП, с. 25—29.

Впервые опубликовано: Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874.

Стихотворения завершены, по всей видимости, в январе — марте 1874 г., посвящены Алексею Николаевичу Плещееву (1825—1893), поэту, в прошлом — петрашевцу, сотруднику и секретарю редакции «Отечественных записок», который давно сотрудничал с Некрасовым.

Элегии были высоко оценены и читателями, и критикой. Сдержанней обычного отнеслась радикально настроенная критика.

Вторая элегия («Бьется сердце беспокойное...») была положена на музыку С. И. Танеевым (1905); третья — положена на музыку неоднократно, в том числе Ц. А. Кюи (1902).

Путешественник

Впервые: в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Предсмертные думы Н. А. Некрасова» — Заветы. 1913. № 6.

Написано 13 июля 1874 г., во время процесса участников кружка революционера-народника А. В. Долгушина (1848—1885), которые обвинялись «в составлении преступных воззваний». Известия о том, как во многих захолустьях в эти годы лютовали волки, Некрасов использовал в иносказательных целях.

Уныние

Впервые, с сокращениями: Отечественные записки. 1875. № 1.

Написано в 5—13 июля 1874 г.

В стихах воспроизведен пейзаж имения Некрасовых Грешнева.

Сгорело ты, гнездо моих отцов! — Речь идет о пожаре в Грешневе.

Свистит кулик, кружится рыболов... — т. е. чайка.

...И, позабыв зеленую атаву... — т. е. свежую траву (отаву).

...И царственно уселся на стожар. — Т.е. на шест, который втыкают в середину стога для устойчивости.

Отъезжающему

Впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова»: Отечественные записки. 1878. № 1.

Написано 23 июля 1874 г., обращено к И. С. Тургеневу, который приезжал из-за границы и был в России с конца апреля по июль 1874 г.

Пророк

Впервые, под заглавием «Пророк (Из Барбье)», с подписью: «Н. Н.», без последней строфы: Отечественные записки. 1877. № 1.

Обычно стихотворение считают своеобразным портретом Н. Г. Чернышевского.

Замысел произведения возник 8 августа 1874 г., ночью.

Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода...»)

Впервые, с цензурными пропусками: Отечественные записки. 1875. № 2.

Написано в 15—17 августа 1874 г., в период «хождения в народ», и обрело редкую популярность.

Посвящено Александру Николаевичу Еракову (1817—1886), инженеру, другу, мужу сестры (А. А. Буткевич).

Как празднуют трусу

Впервые, без заглавия, с датой: «Апрель 1876 г.»: Жизнь, 1898. № 1.

В 1876 г. поэт намеревался опубликовать стихотворение у А. С. Суворина в «Новом времени», но оно опубликовано не было, всего вероятнее, по цензурным соображениям.

Как празднуют трусу. — Праздновать трусу — бояться, трусить, робеть.

Утром мы наше село посещали... — Т.е. село Грешнево Ярославской губернии.

Поэту («Где вы – певцы любви, свободы, мира...»)

Впервые, без подзаголовка, с цензурными пропусками: Отечественные записки. 1874. № 9.

Написано в сентябре 1874 г.

Вступление к песням 1876–1877 годов

Впервые, под заглавием: «Вступление», с подписью: «Н. Н.»: Отечественные записки. 1877. № 1.

Стихотворение открывало лирический цикл «Последние песни» (Отечественные записки. 1877. № 1), в который вошли стихотворения «Сеятелям», «Отрывок», «Молебен», «З<и>не» («Двести уж дней...»), «Пророк», «Дни идут... все так же воздух душен», «Скоро стану добычею тленья...», «Друзьям». В следующем номере журнала цикл был продолжен: «З<и>не» («Пододвинь перо, бумагу, книги!...»), «Поэту» («Любовь и Труд — под горами развалин...»), «Горящие письма», «Приговор». В цикле отразились мучительные переживания неизлечимо больного Некрасова. «Вступление к песням 1876—1877 годов» виделось поэту «предисловием» к этому циклу и как «прощание с жизнью».

На стихотворение, как и на весь цикл, сочувственно откликнулся Ф. М. Достоевский. Об этом же цикле в августе 1877 г. Н. Г. Чернышевский напишет А. Н. Пыпину из сибирской ссылки: «...Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XV. М., 1953. С. 88).

Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»)

Впервые, с заглавием «З-не»: Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.

Написано весной 1876 г. в период первого обострения болезни.

Зина (Фекла Анисимовна Викторова, 1851—1915) — гражданская жена Некрасова, с которой он обвенчался за несколько месяцев до смерти. Некрасов и его знакомые называли ее Зинаидой Николаевной.

«Скоро стану добычею тленья...»

Впервые, с измененной по цензурным причинам 14-й строкой и за подписью «Н. Н.»: Отечественные записки. 1877. № 1.

Первоначальный вариант написан еще в 1874 г. Откликом на стихотворение, как и на все последние песни, стал адрес, поднесенный студентами Некрасову в начале февраля 1877 г., где среди прочего говорилось:

«Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит семена всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская» (Книга и революция. 1921. № 2. С. 55).

«Угомонись, моя муза задорная...»

Впервые, с примечанием: «Стихотворение это написано в Крыму и помечено 1876 годом»: Петербургский листок. 1907. 27 дек. № 355. Опубликовано Н. Нильским по автографу, полученному им от друга Некрасова, артиста П. А. Никитина.

Музе («О муза! наша песня спета...»)

Впервые: Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.

Зине («Двести уж дней...»)

Впервые, с заглавием: «З-не», датой: «4 дек. 1876, ночь» и подписью «Н. Н.»: Отечественные записки. 1877. № 1.

Положено на музыку Ц. А. Кюи, 1902.

Двести уж дней, Двести ночей... — т. е. с 18 мая 1876 г., когда было написано первое стихотворение, посвященное Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...»).

Друзьям

Впервые: Отечественные записки. 1877. № 1.

Сеятелям

Впервые: Отечественные записки. 1877. № 1.

Неоднократно положено на музыку.

Где же вы, с полными жита кошинами? — т. е. с корзинами.

Молебен

Впервые, с цензурными пропусками: Отечественные записки. 1877. № 1.

Неоднократно положено на музыку.

Отрывок («... Я сбросила мертвящие оковы...»)

Впервые: Отечественные записки. 1877. № 1.

«Дни идут... все так же воздух душен...»

Впервые: Отечественные записки. 1877. № 1.

«Мы вышли вместе... Наобум...»

Впервые, в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Н.А. Некрасов и А. И. Герцен»: Заветы. 1913. № 12.

Написано в 1861 и переделано в 1877 г. Обращено к Тургеневу. Но были предположения, что отдельные строфы обращены к А. И. Герцену и Н. А. Добролюбову.

«Есть и Руси чем гордиться...»

Впервые: Заветы. 1912. № 9, с. 87.

6 декабря 1876 г. на Казанской площади в С.-Петербурге обществом «Земля и воля» была организована демонстрация. В январе 1877 г. Сенат рассмотрел дело об этой демонстрации, многие из подсудимых были приговорены к ссылке и каторге. Откликом на этот процесс стало данное стихотворение.

Вестминстерское аббатство — Соборная церковь Святого Петра в Вестминстере (Лондон), традиционное место коронации монархов Великобритании и захоронений не только монархов, но и государственных деятелей, полководцев, ученых, писателей.

«Вам, мой дар ценившим и любившим...»

Впервые: Санкт-Петербургские ведомости. 1877. 20 дек. № 351.

Стихотворение Некрасов посвятил своим читателям. Автограф стихотворения был в начале февраля 1877 г. подарен поэтом студенческой депутации, которая поднесла ему адрес от имени радикально настроенной молодежи Петербургского и Харьковского университетов, Медико-хирургической академии, Технологического института и Харьковского ветеринарного института.

Горящие письма

Впервые: Отечественные записки. 1877. № 2.

Новая редакция стихотворения «Письма», написанного в 1855-м или начале 1856 г., обращенного к А. Я. Панаевой.

В названии — отсылка к стихотворению Пушкина «Сожженное письмо» (1825).

Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»)

Впервые, с датой: «13 февр. 1877. С.-П~~етербург~~^{етер}б~~ург~~^{ург}»: Отечественные записки. 1877. № 2.

*Милый друг! Легенду я слыхал: Пали с плеч подвижника вериги, И подвижник мерт-
вый пал!* — Возможно, отзвук легенды «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить
хорошо»). В вариантах легенды исполнение наложенной на раскаявшегося грешника епитимьи
совпадает с его смертью.

Поэту («Любовь и Труд – под грудями развалин!...»)

Впервые, с датой: «Февр. 1877»: Отечественные записки. 1877. № 2.

Положено на музыку Ц. А. Кюи (1902).

Баюшки-баю

Впервые, с датой: «1877 г. Марта 3-го»: Отечественные записки. 1877. № 3.

Стихотворение имело горячий отклик у многих современников.

«Черный день! как нищий просит хлеба...»

Впервые: Отечественные записки. 1878. № 1.

Старость

Впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова»: Отечественные записки.
1878. № 4.

Ты не забыта

Впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с датой: «5-го ноября
1877 г.»: Отечественные записки. 1878. № 2.

Осень

Впервые, без подписи, с датой: «7-го ноября»: Отечественные записки. 1877. № 11.

Отклик на Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Сон

Впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова», с датой: «12 ноября 1877
г.»: Отечественные записки. 1878. № 2.

Стихотворение отражает состояние поэта, которому был прописан опиум как обезболи-
вающее средство от рака.

«Великое чувство! у каждых дверей...»

Впервые, в составе цикла «Последние песни Н. А. Некрасова»: Отечественные записки.
1878. № 4.

Подражание Шиллеру

Впервые, с указанием, что стихотворение «взято из материалов, записанных Н. А. Некра-
совым перед смертью: в анонимной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. (Биб-
лиографические заметки)»: Отечественные записки. 1879. № 1. Отд. II. С. 63.

«О Муза! я у двери гроба!...»

Впервые, с цензурной купюрой в стихе 12 («... Музу...»): Отечественные записки. 1878. № 1. К публикации было дано примечание: «Это стихотворение, по свидетельству сестры покойного, А. А. Буткевич, было последним, которое он написал».

